

УДК 81-13

«СТРАТЕГИИ» ПРОЧТЕНИЯ НЕЗНАКОМОГО РУССКОГО СЛОВА НОСИТЕЛЯМИ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА

Наталья Викторовна Богданова-Бегларян

д. филол. н., профессор кафедры русского языка

Санкт-Петербургский государственный университет

199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 11. n.bogdanova@spbu.ru

Кун Чунься

аспирант кафедры русского языка

Санкт-Петербургский государственный университет

199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 11. kong.chunxia@mail.ru

В статье рассматриваются особенности прочтения незнакомых слов (по преимуществу устаревших, разговорных и просторечных) носителями китайского языка, выявляются те стратегии прочтения, которые реализуются на подготовительном этапе (до собственно прочтения слова) и на этапе прочтения слова. Выделяются три класса таких стратегий: безошибочная (слово прочитано правильно и не потребовало от говорящего предварительной подготовки, маркированной хезитационными или паралингвистическими явлениями), ошибочная (ошибка в ударении, замена правильной единицы другим словом/словоформой или квазисловом), а также «осторожная» (говорящий заранее предполагает трудность, что выражено хезитациями, паралингвистическими средствами, и готовится к ее преодолению, а затем аккуратно прочитывает слово, используя такие явления, как скандирование, растяжки гласных, обрывы, разрывы, повторы и т. п.). Всего на материале исследования выявлено 14 разных стратегий, пять из которых реализуются не только на этапе прочтения, но и на подготовительном этапе. Частота нормативного прочтения уступает частоте ненормативных (17,8 vs 82,2%), хотя в ряду 14 использованных информантами стратегий оказывается наиболее частотной. В статье сделана попытка проследить корреляции полученных результатов с социальными и психологическими характеристиками говорящих, а также с особенностями чтения тех же слов в том же тексте носителями русского языка.

Ключевые слова: спонтанная речь; монолог; чтение; речевая стратегия; хезитация; паралингвистический элемент; затяжка гласного; вокализация; квазислово.

Неподготовленное чтение редко признают разновидностью спонтанной речи. Чаще, особенно в фонетических исследованиях, наоборот, противопоставляют особенности реализации языковых или звуковых единиц в двух типах одинаково связной речи: чтении и спонтанном тексте (см., например: [Болотова 2005; Скрелин, Евдокимова 2008] и мн. др.). Некоторые исследователи, например Е.А. Земская, в работах по разговорной речи, говоря о чтении, предпочитают использовать термин «звучащая речь», так как чтение вслух или наизусть, в отличие от устной монологической речи, не обладает, по их мнению, никаким уровнем импровизации (см.: [Земская 1988: 7]). «Представляется, тем не менее, целесообразным различать чтение как **вид речевой деятельности**, являющийся репродуктивным процессом в области письменной речи, и

чтение как **тип спонтанного монолога**, возникающий как результат чтения текста» [Звуковой корпус... 2013: 150]. Анализ «производимого устного текста, возникающего в процессе неподготовленного чтения письменного (исходного) текста», с очевидностью показывает, что такое «неподготовленное, “с листа”, чтение, при большой степени мотивированности исходным текстом, обладает, тем не менее, достаточным уровнем спонтанности, что во многом определяет его лингвистические особенности» [там же: 150].

Именно такой материал и стал объектом настоящего исследования. Источником материала стал блок русской интерферированной речи носителей китайского языка (РИК) в составе корпуса русской монологической речи, известного как «Сбалансированная аннотированная тексто-тека» (САТ) (см. о нем подробнее: [Звуковой

корпус... 2013; Богданова-Бегларян, Шерстинова, Зайдес 2017; Богданова-Бегларян и др. 2019)]. Все тексты в САТ построены в рамках четырех типичных коммуникативных сценариев (чтение, пересказ, описание изображения, свободный рассказ на заданную тему). Корпус предназначен для изучения спонтанных монологов разного типа и содержит, кроме записей речи носителей русского языка, несколько блоков русской интерферированной речи носителей других языков.

Материалом для анализа стали 20 прочтений текста, записанных от 20 информантов-китайцев, студентов и аспирантов различных гуманитарных направлений, обучающихся в вузах Санкт-Петербурга, в основном – в СПбГУ¹. Состав информантов был строго сбалансирован социологически: по гендеру (10 юношей и 10 девушек) и уровню владения русским языком: 10 человек с уровнем В2 (второй уровень ТРКИ) и 10 – с С1 (третий уровень ТРКИ), согласно Российской государственной системе тестирования иностранных граждан [Уровни владения русским языком: электр. ресурс]. По возрасту все информанты составляют достаточно однородную группу: 23–28 лет. Кроме того, все информанты (до или после записи) прошли психологическое тестирование (на китайском языке) с использованием теста Г. Айзенка (см.: [Eysenk H.J., Eysenk S.V.G 1964; Личностный опросник ЕРІ 1995]. Адаптированный опросник включал 85 вопросов [艾森克人格问卷 (EPQ): электр. ресурс] и был направлен на выявление уровня экстраверсии/интроверсии информантов. Психологической балансировки по этому параметру, к сожалению, достичь не удалось: в составе информантов оказалось 5 экстравертов, 6 амбивертов и 9 интровертов.

В ходе эксперимента информанты выполнили полную лингвистическую программу САТ (см.: [Звуковой корпус... 2013]), т. е. от каждого из информантов было записано по 7 спонтанных текстов, в числе прочего – чтение сюжетного текста М. Зоценко «Рубашка фантазии», опубликованного в 1927 году. Объем текста составляет 293 слова, количество предложений – 63, среднее количество слов в предложении – 4–5.

Степень сложности исходного текста для чтения и понимания была проверена по нескольким параметрам (см. подробнее: [Капустина 2020]). По первому из них – индексу Флеша-Киндсайда (см.: [Flesch 1943, 1979]) – рассказ имеет следующие характеристики (для русского читателя): степень легкости/понятности чтения – 96,8%; уровень образования, необходимого читателю, чтобы понять этот текст, – 3,8 из 20 (4 класс

средней школы); число сложных фраз – 1,5. Вторым способом проверки сложности текста стала программа, с помощью которой можно оценить сложность русскоязычного текста для иностранной аудитории, разработанная в Институте русского языка им. А.С. Пушкина [Исследуй свой текст: электр. ресурс]. Согласно этой программе, уровень сложности текста М. Зоценко соответствует уровню владения русским языком В1 (ТРКИ-1). Дальнейшая проверка показала, что лексический минимум В2 покрывает 77% этого текста, а лексический минимум С1 – 85% текста [Капустина 2020]. Эти данные, а также время написания рассказа вынуждают признать, что многие слова в этом тексте заведомо неизвестны или малознакомы китайским учащимся. Именно специфика их прочтения и стала объектом рассмотрения в настоящем исследовании.

Конкретным материалом для анализа тех «стратегий», которые используют носители китайского языка, читая неизвестные слова, стали 15 разных лексических единиц (и 20 их употреблений в исходном тексте). Все неизвестные слова были проверены по Словарю русского языка под редакцией А.П. Евгеньевой, и оказалось, что одного слова из этого списка (*к завтрему*) в словаре нет совсем, а еще 11 слов имеют ограничительные пометы разного типа, см.: *этакую* (прост., местн.), *пристежными* (2 употр., без помет), *барышни* (устар.), *чистоплотный* (без помет), *двугривенный* (разг.), *прачка* (5 употр., без помет), *голубушка* (разг.), *расстарайся* (разг.), *теперича* (прост.), *давеча* (прост.), *завсегда* (прост.), *в аккурат* (прост.), *простирнуть* (прост.), *напялил* (разг.) [МАС 1999]. Иными словами, только три слова из 15 (20%) могут быть признаны нейтральными и потенциально знакомыми китайцам², остальные составляют несомненную трудность для прочтения.

Таким образом, можно было ожидать 400 реализаций (прочтений) исследуемых слов. На деле, однако, материалом для анализа стало гораздо больше различных функциональных единиц, поскольку в ходе чтения неизвестные слова часто «размножились» – через повторы и обрывы – или «обрастали» гезитативным «шлейфом»³. Целью исследования стал анализ именно тех «стратегий», или способов, прочтения, которые использовали информанты, преодолевая очевидную коммуникативную помеху.

Всего в ходе исследования удалось выявить 14 разных «стратегий», которыми (невольно!) воспользовались информанты, чтобы прочитать неизвестное слово. Эти 14 «стратегий» так или иначе реализовались на трех участках линейного

развертывания текста: 1) до незнакомого слова (подготовка говорящего к прочтению), 2) на незнакомом слове (собственно прочтение) и 3) после незнакомого слова (реакция говорящего на прочтение). Третий тип в настоящей работе пока оставлен без внимания, поскольку трудно установить, является ли этот фрагмент чтения реакцией на прозвучавшее слово или подготовкой к следующему фрагменту текста, ср.:

- (1) *выбрал // такую [небес-н[о]го цвета / сы двумя прис... [тЕжными [ворот.. [ника... <со смехом> ворОтниками* (И13, муж., С1, Э)⁴;
- (2) *на-а вечеринке [думаю / все [барЫшнИни [кидаться будут* (И14, жен., В2, А).

Можно предположить, что только смех во всех случаях однозначно является реакцией на читаемое слово или на предыдущий фрагмент текста, поскольку на этапе подготовки к прочтению такой паралингвистический элемент не встретился ни разу, все же остальные хезитационные явления могут как предшествовать трудному участку текста, так и сопутствовать прочтению или завершать его.

Первые же два этапа прочтения постараемся описать качественно и количественно.

На этапе **подготовки к прочтению** можно выделить пять разных «стратегий» говорящего.

1. Отсутствие всякой «подготовки» (313 – 71,5% от общего количества «стратегий», реализованных на первом этапе), что можно расценивать как отсутствие для данного говорящего (по его мнению) каких бы то ни было трудностей в прочтении конкретного слова (даже если потом слово прочитано неверно), например:

- (3) *будет она сти-рАная / и гла-жЕная / с двумя пристЕжными [э-э ворон... ворон-ти... воронтиИчками* (И15, жен., В2, И);
- (4) *такую небесного цвета / сы двумя пристЕжными [ворОтниками* (И11, жен., С1, И).

2. Физическая пауза хезитации перед незнакомым словом (86 – 19,6%), например:

- (5) *хотелось какую-ни... ни... будь ру... рубашка [покра-си-вей купить / какую-нибудь [э... этакую [фантази* (И10, муж., С1, Э);
- (6) *всего и разговору [дву-у... ы-н дву-гривенный [* (И10, муж., С1, Э).

3. Вставка неречевого звука (вокализация) перед незнакомым словом (34 – 7,8%):

- (7) *а надо сказать я человек ужасно / ы-н [какой [ы-н [чисто-оплотный* (И4, жен., С1, И);
- (8) *приходи говорит / а-а [вы [аккурат [перед вечерИн[о]й* (И12, жен., С1, А).

4. Паралингвистический элемент – <вдох>, <вздох>, <кашель> – перед незнакомым словом (3 – 0,7%):

- (9) *какую-нибудь [и н <кашель> [и этАкую фантази // выбрал* (И17, муж., В2, И);

- (10) *новые рубашки [<со вздохом> теперИча всегда [садятся* (И8, муж., С1, Э).

5. Затяжка гласного звука в слове перед незнакомым словом (2 – 0,5%):

- (11) *все-е барны все-е / барышнИни / кидаться / будут* (И5, муж., В2, А).

Как видно из примеров, чаще всего (71,5%) незнакомое слово прочитывается говорящим с ходу, без выраженного первого этапа, однако в других случаях, готовясь прочитать незнакомое слово, информант так или иначе хезитирует, берет паузу, обдумывая, как следует прочесть незнакомое слово. Часто эти явления комбинируются в одном контексте: см., например, вокализации и паузы хезитации в примерах (7) – (8); вокализация, пауза хезитации и паралингвистический элемент в примере (9); пауза хезитации и паралингвистический элемент в примере (10).

На этапе собственно **прочтения** незнакомого слова выявились все 14 «стратегий», включая и те, что были зафиксированы на первом этапе, например, хезитации разного типа характеризуют не только подготовку к прочтению незнакомого слова, но и этап его реализации в речи. Рассмотрим далее все эти «стратегии» (второго этапа) в порядке убывания их частотности в материале исследования. Учтем при этом, что часть «стратегий» затрагивает произношение собственно незнакомого слова, другая же часть лишь сопутствует этому произношению. В списке ниже приведены как абсолютные цифры, так и относительное количество (в процентах), посчитанное от общего количества реализаций не отдельного слова, а от общего количества «стратегий» (743 ед.).

1. Правильное прочтение (норма – N) незнакомого слова (132 реализации – 17,8%), например:

- (12) *а надо сказать / я человек ужасн[о] / какой чи-стоплотный* (И11, жен., С1, И);
- (13) *побежал поскорей к прачке* (И7, жен., С1, И).

2. Повтор незнакомого слова (109 – 14,7%)⁵, например:

- (14) *завтра вечеринка надо к [завра [завтры завтрему* (И6, жен., В2, И);
- (15) *неплохо бы / думаю / простИрну... [простИрнуть её* (И16, муж., В2, А).

3. Обрыв незнакомого слова (107 – 14,4%):

- (16) *д... да-веча я бухгалтеру стирала* (И6, жен., В2, И);
- (17) *будет она стирарная и глаженая / с двумя прИстежны... прИстежными воротничками* (И7, жен., С1, И).

4. Акцентологическая ошибка в незнакомом слове (75 – 10,1%):

(18) на вечеринке думаю / всё [н-н **барЫли...** [**барЫ-
Бли-ни** // кидаться будут (И17, муж., В2, И);

(19) новые рубашки // **теперИчна** э **теперИча** [**те-
перИча** / **завсегда** садятся (И18, жен., С1, Э).

5. Огласовка конечного согласного незнакомого слова или предлога в составе словоформы (64 – 8,6%), например:

(20) побежал [**поскорей** [**кэ** **прачке** (И13, муж., С1, Э);

(21) проходи **говорить** / **в аккурат-ы** **перед-ы** **вечеринкой** (И5, муж., В2, А).

6. Пауза хезитации (62 – 8,3 %), например:

(22) новые рубашки / **теперИ-И...** [**те-пе-рИча-а** **завсегда** сидятся (И12, жен., С1, А);

(23) выбрал // такую [**не-ебесного** **цвета** / **с** **двумя** [**прис...** [**пристЕжными** [э **воро...** **ворОтниками** (И19, муж., В2, Э).

7. Скандирование (произнесение по слогам) незнакомого слова (54 – 7,3%), например:

(24) голуба... [**голубашка** **говору** / **раста...** **раста-райся** (И9, муж., В2, И);

(25) **всего** [**и** **разговору** [**дву-г...** э-э **дву-гри-вЕнный** **двугривЕнный** (И9, муж., В2, И).

8. Произнесение квазислова (54 – 7,3%):

(26) **какую-нибудь** [**затАкую** **фантАзи** // **выбрал** (И20, муж., С1, А);

(27) **новые рубашки** / **н-н** **тепЕч...** // **тепЕрика** **тепери-ча** / **завсегда-а** **с...** **садятся** (И17, муж., В2, И).

9. Затяжка гласного звука в незнакомом слове (40 – 5,4%), например:

(28) **какую-нибудь-дь** / **э-этакую** **этакую** **фантази** [**этакую** **фантази** (И3, муж., В2, И);

(29) **выбрал** [**такую** **не...** **небесного** **цвета** / **с** **двумя** **пристежными-и** **воротниками** (И4, жен., С1, И).

10. Вставка неречевого звука, т. е. вокализация (25 – 3,4%), например:

(30) **всего** **и** **разговору** [**дву-у...** **ы-н** **дву-гривенный** [(И10, муж., С1, Э);

(31) **поскорей** **кэ-э** **в...** **н-н** **прачке** (И14, жен., В2, А).

11. Замена незнакомого слова другим словом или словоформой (12 – 1,6%), например:

(32) **неплохо** **бы** [**думаю** // **а-а** **простирнуться** **её** (И12, жен., С1, А);

(33) **приходи** **говорит** // **вы** **аккаунт** [**перед** [**вечеринкой** **и-и** **надевай** **свою** [**рубаху** (И13, муж., С1, Э).

12. Разрыв слова (7 – 0,9%), например:

(34) **такую** [**небес-н[о]го** **цвета** **сы** **двумя** **прис...** [**тЕжными** [**ворот...** [**ника...** <со смехом> **ворОтниками** (И13, муж., С1, Э);

(35) **я** **человек** **ужасно** [**какой** **чисто...** [**плотный** (И14, жен., В2, А).

13. Вставка паралингвистического элемента – <цоканье языком>, <смех> (2 – 0,3%), например:

(36) **какую-нибудь-и** [**этА-А...** [**ой** <тс> **этАкую** **фан-тАнзи** <смех> (И12, жен., С1, А);

(37) **такую** [**небес-н[о]го** **цвета** **сы** **двумя** **прис...** [**тЕжными** [**ворот...** [**ника...** <смех> **ворОтниками** (И13, муж., С1, Э).

14. Метакоммуникативная вставка (1 – 0,1%):

(38) **какую-нибудь-и** [**этА-А...** [**ой** <тс> **этАкую** **фан-тАнзи** <смех> (И12, жен., С1, А).

Как видно из примеров, против всякого ожидания, наиболее частотной «стратегией» оказалось правильное прочтение (N) трудного слова (17,8%), хотя в сумме ненормативные прочтения (оставшиеся 13 «стратегий»), безусловно, преобладают – их в материале 82,2%.

Предложенная типология «стратегий» открывает богатые возможности для продолжения исследования в избранном направлении. Часть этих данных уже получена, часть составляет перспективу исследования.

Так, общее соотношение нормы и не-нормы на этапе прочтения незнакомого слова ожидаемо оказалось в пользу не-N (611 – 82,2% vs 132 – 17,8%⁶).

Многие явления, отнесенные к той или иной «стратегии», допускают дальнейшую детализацию, которая может стать объектом отдельного исследования. Здесь мы наметим только перспективы дальнейшей работы.

Так, **обрыв** незнакомого слова на втором этапе может быть однократным (70 – 65,4%) и неоднократным (3 – 34,6%). В последнем случае незнакомое слово явно вызвало у говорящего больше трудностей, с которыми он старательно справляется. Оборвано может быть как правильно начатое слово (67 – 62,6%), что является свидетельством внимания говорящего к своей речи: уже начав правильно произносить слово, он все же «перепроверяет» себя, оборвав чтение незнакомого слова и еще подумав над ним; так и начатое неправильно слово (40 – 37,4%), что свидетельствует об осуществлении своеобразного «контроля качества речи»: информант ошибся, заметил ошибку, не договорив незнакомое слово, и остановился, чтобы еще обдумать, как его прочитать. Кроме того, обрыв любого типа может быть просто брошен, а чтение при этом продолжено (2 – 1,9%), но может заканчиваться повтором незнакомого слова, т. е. самокоррекцией говорящего. Эта самокоррекция, в свою очередь, может быть правильной (51 – 58%) и неправильной (37 – 42%), что говорит о степени успешности преодоления говорящим речевого сбоя.

Повтор незнакомого слова может происходить после его обрыва или после полностью прочитанного слова, во всех случаях повтор расце-

нивается как самокоррекция говорящего – правильная (57 – 52,3%) или неправильная (52 – 47,7%); в том числе отмечается повтор незнакомого слова, прочитанного правильно (1 – 9,2%) или неправильно (7 – 6,4%); начатого (и затем оборванного) правильно (47 – 43,1%) или неправильно (45 – 41,3%).

Скандироваться может как целое слово (47 – 8%), так и какая-то его часть (7 – 13%) Для носителей китайского языка это довольно распространенное хезитационное явление, свойственное любому типу их речи на русском языке (чтению, пересказу, описанию изображения или свободному рассказу) и отличающее интерферированную русскую речь китайцев от такой же речи носителей других языков (см. подробнее: [Чэн Чэнь 2018]).

Что касается **квасислов**, прочитанных информантами вместо правильного незнакомого слова, то интересно показать, как именно они прочитаны, какие речевые «стратегии» используются в данном случае:

- без коррекции и без хезитации, т. е. фактически говорящий не заметил ошибки (*будет она стираАная / и гляжeная / с двумя пристИж-ными⁷ ворОтничками*);
- с коррекцией – правильной (*голубашка / говорю расстрайся расстарайся расстарайся*) или неправильной (*на-а э вечеринке / думаю все [э-э барЫ-ш... э-э быРЫ-шкин барЫшннн / э-э кидаться [э-э будут*), но без хезитации, т. е. говорящий заметил свою ошибку и сразу, без раздумий, сделал попытку ее исправить;
- с хезитацией, но без коррекции (*бу-дет она стиранах и-и [гла... глажeная [сы двумя прo-стежным прoстежными [воротничками*), т. е. ошибка говорящим замечена, но не исправлена⁸;
- с хезитацией и коррекцией, т. е. ошибка замечена, обдумана и исправлена – правильно (*новые рубашки / ы-н тепе... теперила / теперица / завсегда садятся*) или неправильно (*новые рубашки [теперИчна э теперИча [теперИча / завсегда садятся*).

В случае замены незнакомого слова на **другое слово или словоформу** было бы интересно найти причины такой замены. Гипотетически можно ожидать, что менее частотное неизвестное слово заменяется более знакомым и более частотным (*кэ завтра* вм. *к завтраму*); то же самое может касаться и замены формы слова (*кы-ы [прачку* вм. *к прачке*). Обращение к частотным словарям слов [Ляшевская, Шаров 2009] или словоформ [Венцов, Грудева 2008] может подтвердить или опровергнуть эту гипотезу.

Во многих контекстах можно наблюдать **контаминацию** различных «стратегий»: например, обрыв и повтор незнакомого слова (*барЫ... барЫ-шннн*), пауза хезитации и квазислова (*какую-нибудь [затАкую фантАзи*), скандирование слова и растяжка гласного в нем (*барЫ-Ышннн*) и т. п. Количественное описание таких контаминаций может сделать предлагаемый анализ более глубоким и разносторонним, но и это находится уже за рамками настоящей статьи.

Все 14 выявленных «стратегий» прочтения незнакомого слова можно разделить на три больших класса:

- 1) безошибочные «стратегии», приводящие к правильной реализации незнакомого слова (только второй этап);
- 2) ошибочные «стратегии», приводящие к ошибочной реализации незнакомого слова, что отмечается только на втором этапе преодоления говорящим трудного участка текста и проявляется в разного рода отклонениях от нормы – акцентологической ошибке, произношении квазислова или замене на другое слово/словоформу, обрыве незнакомого слова, особенно начатого неправильно;
- 3) «осторожные стратегии», когда говорящий, понимая, что слово ему неизвестно и могут возникнуть трудности с его прочтением, заранее готовится к его реализации (первый этап), а затем осторожно прочитывает (второй этап); к этому типу можно отнести скандирование и разрыв слова, затяжки звуков или огласовки, повторы, метакоммуникацию, все типы невербальных хезитаций, включая паралингвистику – все эти «стратегии» свидетельствуют, что говорящий чувствует трудность, реагирует на нее, даже если и не доводит дело до ошибки, иными словами, результатом «осторожной стратегии» может стать как правильное, так и неправильное прочтение.

Общее соотношение этих трех классов таково: безошибочных «стратегий» в материале оказалось 132 (17,8% от общего количества), ошибочных – 248 (33,4%), «осторожных» – 363 (48,9%)⁹.

Учет в ходе анализа характеристик говорящего показал, что, независимо от гендера, уровня владения русским языком или психотипа, самыми типичными для всех информантов являются именно три первые «стратегии», которые выделены на материале в целом: N (правильное прочтение), повтор и обрыв слова. Незначительная разница обнаружилась только в порядке следования обрыва и повтора в этом перечне.

Интереснее обстоит дело с соотношением безошибочных (правильных), ошибочных и «осторожных» реализаций «стратегий»: так, ока-

залось, что юноши «осторожничают» несколько больше, чем девушки (50,5% vs 47%), амбиверты – несколько больше, чем экстраверты и интроверты (53,3% vs 50,2% vs 46,7% соответственно)¹⁰, информанты с уровнем владения русским языком В2 – несколько больше, чем с уровнем С1 (50,4% vs 47,2%). Различия в частотах во всех случаях невелики, однако наблюдаются.

Любопытно сравнить полученные данные с тем, как тот же текст и те же слова прочитали русские студенты-филологи (см. анализ их речи во всех типах монологических текстов: [Хан 2013]). Оказалось, в частности, что только 5 из 15 анализируемых в настоящем исследовании слов выявили какие-либо ошибочные или «осторожные» реализации (в данном случае говорим только о реализации собственно слов, полный анализ «стратегий» можно также отнести к перспективам исследования), ср.: *давЕча, дру... / двугривенный, рас... старайся, рас... расстарайся, рась... / раст... // расстарайся, теперищ... / теперища, н-напялил*. Примеры демонстрируют и ошибки ударения, и разрыв слова, и обрыв с повтором, свойственные также русской речи китайцев. Из «новых» ошибок обнаружена затяжка согласного (*н-напялил*) и фонетическая оговорка (*дру... / двугривенный, теперищ... / теперища*)¹¹. В целом нормативных реализаций в данном материале ожидаемо больше, чем ошибочных.

Проведенное исследование, как представляется, с убедительностью показало, что неподготовленное чтение, несомненно, можно признать спонтанным типом речи, а его анализ, в том числе анализ чтения на неродном языке, может выявить множество интересных особенностей не только собственно лингвистического, но и социопсихолингвистического характера.

Примечания

¹ Первые 10 информантов были записаны Чэн Чэнь для исследования хезитационных явлений в русской речи китайцев (анализировались все типы монологов) [Чэн Чэнь 2018], еще 10 информантов записала для своего исследования Кун Чунься, один из авторов настоящей статьи.

² Проверка по лексическим минимумам для уровней В2 и С1 [Лексический минимум... 2011, 2015] показала, что ни одно слово из нашего списка в эти минимумы не входит.

³ Подробнее о хезитационных явлениях в русской речи китайцев, в том числе на материале чтения текста М. Зоценко, использованного для исследования в данной работе, см. [Чэн Чэнь 2018].

⁴ Об особенностях орфографического представления расшифровок звучащих текстов из материала исследования см. подробнее [Чэн Чэнь

2018]. В частности, прописная буква в слове означает неправильное место ударения (*ворОтниками*), буква в квадратных скобках – заметное нарушение редукции гласного (*небес-н[о]го*), [– обозначение паузы хезитации. В атрибуции к примерам указан номер информанта, его пол, уровень ТРКИ и психотип: Э – экстраверт, И – интроверт, А – амбиверт.

⁵ К этой «стратегии» было отнесено и единственное прочтение, когда повторялась только вторая часть незнакомого слова: *чисто-платн-платный*. Повтор предлога в составе словоформы при этом повтором не считался, так как само неизвестное слово при этом не повторялось (*кэ-э / при... [ка [кэ [прачк... [прачке*).

⁶ Конечно, мы отдаем себе отчет в некоторой условности выделения не-N: хезитация перед словом в ходе чтения или затяжка в нем гласного может свидетельствовать не только о затруднениях говорящего, но и, например, о желании прочитать текст выразительно, расставить в нем какие-то логические или стилистические акценты (примеры такого прочтения текста М. Зоценко в материале встретились). Думается, однако, что на общих результатах исследования эта допустимая погрешность не отразилась.

⁷ Слово *пристИжными* можно расценивать не только как квазислово, но и как замену на другое слово (*престижными*), которое, конечно, хорошо знакомо китайским информантам. Расшифровщик, однако, исходил из исходного *пристежными* и увидел здесь квазислово, и такое решение, полагаем, тоже имеет право на существование.

⁸ О типологии ошибок в спонтанном чтении см. подробнее [Сапунова 2009; Звуковой корпус... 2013].

⁹ Нужно отметить, что среди ошибочных реализаций незнакомого слова (например, квазислова или «не того» слова) могли быть и элементы «осторожности» говорящего (растяжка гласного или хезитации, сопровождающие произнесение) – такие варианты при подсчетах учитывались дважды: и как ошибочные, и как «осторожные». Общее количество реализаций «стратегий» в этом случае превышает 100%.

¹⁰ Ср. некоторые данные об экстравертах и интровертах из научной литературы: экстраверт в принципе на все «реагирует быстро, часто сначала делает, потом думает» [Экстраверсия – интроверсия: электр. ресурс]. Экстраверсию можно назвать активной, но при этом энергозатратной установкой психики [Журавлева: электр. ресурс], ведущей к расширению сферы активности. Общей чертой речи экстравертов можно назвать быстрый темп и яркое выражение эмоций. Направленность

внимания на содержание речи у экстравертов относительно невысокая [там же]. Интроверт «прежде, чем совершить действия, тщательно продумывает их <...>. Психологические защитные средства включают в себя добросовестность, щепетильность, педантичность, бережливость, осторожность, недоверчивость, умеренность, совестливость, честность, прямоту, вежливость» [Экстраверсия – интроверсия: электр. ресурс]. Интроверсия – это пассивная, но энергоэкономная и защитная установка психики [Журавлева: электр. ресурс]. Обычно интроверты предпочитают письменную речь устной. В своей речи они не инициативны, поэтому предпочитают ответные реплики. Однако направленность внимания на содержание диалога у них высокая, именно поэтому их реплики характеризуются подготовленностью и продуманностью [там же], им в большей степени свойственно внимание к качеству собственной речи [Журавлева, Коваль 2007].

¹¹ О типологии оговорок в русской речи см. подробнее [Завадская 2019; Завадская, Богданова-Бегларян 2019].

Список литературы

Богданова-Бегларян Н. В., Шерстинова Т. Ю., Зайдес К. Д. Корпус «Сбалансированная Аннотированная Текстотека»: методика многоуровневого анализа русской монологической речи // Анализ разговорной русской речи (АР³-2017): труды Седьмого междисциплинарного семинара / науч. ред. Д.А. Кочаров, П.А. Скрелин. СПб.: Политехника-принт, 2017. С. 8–13.

Богданова-Бегларян Н.В. и др. Корпус «Сбалансированная аннотированная текстотека» (САТ): изучение специфики русской монологической речи / Богданова-Бегларян Н.В., Блинова О.В., Зайдес К.Д., Шерстинова Т.Ю. // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. М.: Ин-т Рус. языка РАН, 2019. Вып. 21: Национальный корпус русского языка: исследования и разработки / гл. ред. А.М. Молдован; отв. ред. выпуска В.А. Плуноян. С. 111–126.

Болотова О.Б. Гласные в спонтанной речи и при чтении связного текста: экспериментально-фонетическое исследование на материале русского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2005. 24 с.

Венцов А.В., Грудева Е.В. Частотный словарь словоформ русского языка (проект) / С.-Петербург. гос. ун-т; Череповецкий гос. ун-т. Череповец, 2008. 204 с.

Журавлева А.А. Влияние психотипа личности диктора на специфику его устной речи: презентация // MyShared. [Электронный ресурс]. URL:

<http://www.myshared.ru/slide/199224> (дата обращения: 24.10.2020).

Журавлева А.А., Коваль С.Л. Диагностика психологических качеств диктора по устной речи // Труды Междунар. конф. по компьютерной лингвистике и интеллектуальным технологиям «Диалог 2007» / Рос. гос. гум. ун-т. М., 2007. С. 183–187.

Завадская Ю.О. Оговорки в зеркале социолингвистики // Социо- и психолингвистические исследования. 2019. Вып. 7. С. 33–39.

Завадская Ю.О., Богданова-Бегларян Н.В. Оговорка как специфическая составляющая устной спонтанной речи (монолог vs диалог) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2019. № 1(11). С. 14–24.

Звуковой корпус как материал для анализа русской речи. СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2013. Ч. 1: Чтение. Пересказ. Описание / отв. ред. Н.В. Богданова-Бегларян. 532 с.

Земская Е.А. Городская устная речь и задачи ее изучения // Разновидности городской устной речи / отв. ред. Д.Н. Шмелев, Е.А. Земская. М.: Наука, 1988. С. 5–44.

Исследуй свой текст / Лаборатория Института Пушкина. [Электронный ресурс]. URL: <http://pushkin-lab.ru> (дата обращения: 24.10.2020).

Капустина Т.Д. Репродуктив на неродном языке (анализ пересказов, записанных от носителей китайского языка): дис. ... маг. лингв. СПб., 2020. 94 с. (Машинопись).

Лексический минимум по русскому языку как иностранному. Второй сертификационный уровень. Общее владение / под ред. Н.П. Андриюшиной. СПб.: Златоуст, 2011. 164 с.

Лексический минимум по русскому языку как иностранному. Первый сертификационный уровень. Общее владение / Н.П. Андрияшина и др. СПб.: Златоуст, 2015. 200 с.

Личностный опросник EPI (методика Г. Айзенка) // Альманах психологических тестов / сост. и ред. Р.Р. Римский, С.А. Римская. М.: КСП, 1995. С. 217–224.

Ляшевская О.Н., Шаров С.А. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). М.: Азбуковник, 2009. 1112 с.

МАС – Словарь русского языка: в 4-х т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Рус. яз.: Полиграфресурсы, 1999. Т. 1: А–Й. 702 с. Т. 2: К–О. 736 с. Т. 3: П–Р. 750 с. Т. 4: С–Я. 797 с.

Сапунова Е.М. Неподготовленное чтение как вид речевой деятельности и тип устного спонтанного монолога (на материале русского языка): дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2009. 237 с. (Машинопись).

Скрелин П.А., Евдокимова В.В. Вариативность реализаций гласных фонем в спонтанной речи и чтении // Второй междисциплинарный семинар «Анализ разговорной русской речи» (АР³-2008) / сост. А.Л. Ронжин, И.А. Кагиров; С.-Петербург. ин-т информатики и автоматизации РАН. СПб.: Изд-во С.-Петербург. гос. ун-та аэрокосмического приборостроения (ГУАП), 2008. С. 42–47.

Уровни владения русским языком // Российское образование для иностранных граждан. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.russia.edu.ru/rus/levels> (дата обращения: 24.10.2020).

Хан Н.А. Устные спонтанные монологи разного типа в коммуникативно-дискурсивном аспекте (на материале Звукового корпуса русского языка): дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2013. 285 с. (Машинопись).

Чэн Чэнь. Хезитации в русской устной речи носителей китайского языка: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2018. 205 с. (Машинопись).

Экстраверсия – интроверсия // Викизнание. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.wikiznanie.ru/wikipedia/index.php/Экстраверсия-интроверсия> (дата обращения: 24.10.2020).

Eysenk H.J., Eysenk S.B.G. Manual of the Eysenk Personality Inventory. London: University of London press, 1964. 24 p.

Flesch R. Marks of Readable Style: A Study in Adult Education // Contributions to Education. New-York: Teachers College: Columbia University, 1943. 69 p.

Flesh R. How to Write Plain English: A Book for Lawyers and Consumers. New-York; Hagerstown; San-Francisco; London: Harper Collins, 1979. 126 p.

艾森克人格问卷 (EPQ): 成人版 [Личностный опросник Айзенка на китайском языке]. [Электронный ресурс]. URL: http://types.yuzeli.com/survey/epq85_ (дата обращения: 24.10.2020). (На китайском языке).

CHINESE SPEAKERS' READING "STRATEGIES" OF UNFAMILIAR RUSSIAN WORDS

Natalia V. Bogdanova-Beglarian

Professor, the Russian Language Department
Saint-Petersburg State University

Kong Chunxia

PhD Student, the Russian Language Department
Saint-Petersburg State University

The article examines some peculiarities of reading unfamiliar words (mostly outdated, colloquial and vernacular) by native Chinese speakers. The "strategies" used at the "preparatory" stage (before reading a word) and at the reading stage are identified. Three groups of reading "strategies" are distinguished: error-free (the word is read correctly and does not require any preliminary preparation from the speaker in form of hesitation or paralinguistic phenomena), erroneous (a word-stress error, replacement of the correct unit with another word, word form or quasi-word), and "cautious" (the speaker foresees a difficulty – hesitation, paralinguistic means – and clearly prepares to overcome it, then accurately reads the word using chanting, vowel stretching, breaks, repetitions, etc.). In total, 14 different "strategies" based on the research material were identified; 5 of them are implemented not only at the reading stage, but also at the "preparatory" one. Generally, standard reading is outperformed by a large group of non-standard cases (17,8 vs 82,2%), although among the 14 different "strategies" used by the informants it turns out to be the most frequent. The article attempts to trace the correlation of the obtained results with social and psychological characteristics of the speakers, as well as with the peculiarities of reading the same words (in the same text) by Russian speakers.

Keywords: spontaneous speech; monologue; reading; speech strategy; hesitation; paralinguistic element; vowel stretching; vocalization; quasi-word.